

Антонян Юрий Миранович

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
проректор по научной работе Института
гуманитарного образования,
г. Москва

Основные признаки архетипа

Архетип представляет собой отдельную коллективную психологическую установку, включающую в себя ценности, мотивы или идеи, это – модели или схемы, носящие абстрактный характер, но приобретающие конкретность в той или иной культуре либо субкультуре. Все они формируются у каждого человека и наряду с сознанием и индивидуальным бессознательным определяют его поведение. В этой связи одна из проблем заключается в том, чтобы объяснить, каким образом его бессознательное и его единицы – архетипы – воспринимаются, усваиваются личностью. Совершенно очевидно, что это происходит путем воспитания, обучения, освоения социального опыта и культуры, причем стихийно и спонтанно. Человек не рождается с какими-то архетипами или их сочетанием в психике, они усваиваются им в процессе социализации, обретая в каждом индивидуализированные черты. Они, следовательно, проявляются и в индивидуальности, в индивидуальных установках и ценностных ориентациях, влечениях и представлениях.

Архетипы являют себя в виде отдельных архетипических образов, но и сами являются образами, но гораздо более широкого плана. Например, существует архетип героя, который как образ состоит из некоторых особенностей и структур, проявляющихся в конкретных мифологических или мифологизированных персонажах. Таким является, скажем, Аякс, который на архетипическом уровне известен как фигура, совершающая подвиги и защищающая правое дело, т.е., в ко-

нечном итоге, интересы людей. В этом идея данного архетипа, воплощенная в конкретной ипостаси. И герой в целом, и Аякс в частности, являются архетипами-образами – носителями идеи, Аякс же – более конкретное его проявление, хотя его образ состоит из достаточно типичного набора компонентов, присущих герою вообще в разных культурах. Человек, социальная группа или общество имеют дело и с архетипами, и с архетипическими образами, между которыми нельзя ставить знак равенства, хотя в каждом случае следует иметь в виду их содержание и масштабы, у архетипа всегда более обширные.

Любой архетип имеет собственное содержание, причем достаточно конкретное, что и позволяет отличать один архетип от другого. Это не исключает схожести и даже частичного совпадения разных образов, например, учителя и пророка, мессии и пророка, первочеловека и героя. Вопреки мнению Юнга, архетип сам по себе не пуст и не формален, хотя это и «преформирующая способность», данная *a priori*.

Архетип открывается сознанию через архетипические образы. Вначале познаются они, а затем та общая основа, именуемая архетипом, которая является их источником и выражает определенную человеческую потребность. Личность вначале наблюдает отдельные архетипы (героя, великой матери, учителя и т.д.), а затем делает вывод, что каждый из них выражает нечто более общее. Таким путем происходит презентация архетипа в сознании. Однако это не означает, что архетип не является образом: он является продуктом виртуального творчества и виртуален по своей природе, существуя лишь в идеальном. Как и то, что обычно именуется виртуальным об-

разом, он обладает определенными компонентами, чертами, особенностями.

Итак, на первом этапе человечество творит архетипические образы, т.е. образы отдельных виртуальных персонажей, многие из них с самого начала являются полностью сверхъестественными. Другие прежде были обычными «живыми» людьми, но затем мифологизированы и переведены в ранг архетипических виртуальных персонажей, например, отца, учителя, мессии или героя. Архетип и архетипический образ – это социально-психологические феномены, возникающие в результате общения людей между собой, попыток познания и осмысления мира и самого себя, поиска защиты от угроз, исходящих не только от среды, но и от самого себя. Архетип как образ возникает в качестве продукта предметно-практической, мыслительной и сенсорно-перцептивной деятельности, как отражение действительности; в это отражение вплетены такие витальные категории, как смыслы, движущие силы, движение, пространство, ценности.

Не любой образ является архетипическим, а только тот, который обладает определенными свойствами: повторяемостью, даже вечностью, важностью, даже исключительностью, общностью, даже всеобщностью для разных культур и эпох, емкостью, наполняемостью наиболее важными идеями, ценностями и смыслами.

Архетипы не даны человеку кем-то, их нет вне психической жизни людей, которые постоянно «работают» с архетипами-образами и архетипическими образами. Очень важное отличие первых от вторых заключается в том, что архетипы вечны, что не исключает внесения в них корректив, иногда весьма существенных и обусловленных изменениями в жизни людей, умножением или, наоборот, сокращением их возможностей. Архетипический же образ вполне «смертен», он может быть заменен другим: место Аякса, например, в наше время успешно заменил бравый кинематографический герой, неуязвимый ни для каких врагов. Сформировавшись, заняв свое место в психологической жизни людей, архетипы и архетипические образы начинают автономное существование, активно воздействуя на общество и социальные группы, проявляясь в отдельных индивидах. Они существуют не только в таких коллективных творениях, как мифы, легенды, сказки, но и в сновидениях и галлюцинациях, их сознательно или бессознательно творят писатели, художники, композиторы, музыканты (достаточно вспомнить князя Мышкина Достоевского, этот персонаж является литературным ар-

хетипическим образом мессии); основные театральные и кинематографические амплуа практически полностью являются архетипическими.

Архетипические образы непосредственно создаются воображением, которое является функцией интеллекта. Воображение представляется тем механизмом, который реализует потребности личности, поэтому воображение не выступает в качестве зеркала – таковым скорее можно назвать сами архетипы. Ведь именно с их помощью человек пытается познать себя и окружающий мир, следовательно, овладеть, по возможности, теми силами, которые определяют его жизнь и судьбу. Архетипы – это заявление человека как социального существа о самом себе. Он никогда не сможет получить окончательный ответ, хотя и стремится к этому, в том числе и с помощью науки психологии.

Утверждение, что архетипический образ непосредственно рождается воображением, не говорит о том, что такой образ – лишь плод воображения, не имеющий ничего общего с реальной жизнью. Даже первичный язык архетипических структур имеет место не только в мифологических образах и сюжетах, религиозных и магических установках и представлениях, но и в реально складывающихся между людьми отношениях во всем их многообразии и сложности, в том числе в историческом процессе, начало которого совпало с возникновением общества и было разным для разных сообществ. Архетипический язык можно обнаружить как в религии, так и в магии, притом самой первобытной, а также в искусстве, литературе, архитектуре, ритуалах и символах. Архетипические образы имеются и в мистике.

Сокрытость, неявность архетипических образов и установок не означает, что они принадлежат к воображаемому миру, не имеющему ничего общего с действительностью, тем более повседневной, а поэтому их надо поместить в мистику. Реальность архетипов познается на онтогенетическом и филогенетическом уровнях, причем их реальность надо понимать, как доказуемость и проверяемость, а, следовательно, как объективность и достоверность. Это отнюдь не та же реальность, что галлюцинации для больной психики, хотя и в галлюцинациях, как и в бреде, вполне могут проявляться архетипические содержания. Между тем, познание последних возможно при особой ориентированности научного исследования и научного работника, понимании того, что архетипическая психология является важным научным инструментом, хотя, ко-

нечно, и не единственным.

Из этого следует, что говорить об архетипе как о воображаемой категории, можно только при необходимых оговорках. Между тем этот образ носит универсальный характер. Созданный человеком, он уже в новом автономном качестве возвращается к нему, организуя, направляя и даже контролируя его жизнь. Он всматривается в архетипы как в зеркало и находит в нем для себя смыслы, цели и нравственные критерии. Таким является, например, архетип бога, этот универсальный хранитель целей и смыслов, которого личность создала, а затем отделила от себя, предоставив ему суверенный статус. Это было необходимо, поскольку только на отчужденном и независимом уровне бог стал управляющей силой. Бог, как и любой другой виртуальный архетипический персонаж, наделяется психическими структурами, аналогичными человеческим, окружается другими сакральными архетипическими фигурами и действует в виртуальных ситуациях, предписанных ему снизу – с земли.

Нельзя сказать, что архетипы каждый раз возвращаются к человеку: он никогда не расстается с ними. Они имманентны ему, как части и органы тела, он пользуется ими бессознательно и постоянно, используя тот или иной, в зависимости от своих потребностей, жизненных ситуаций, возникающих планов и возможностей их реализации. На мир он смотрит сквозь призму архетипов. Часто фантазии и галлюцинации являются продолжением его архетипических чувствований, влечений и ощущений, поэтому сами эти фантазии и галлюцинации по своей природе архетипичны, тем более, что они выходят за пределы повседневности, не теряя актуальности. Религиозные и культуральные контексты пронизаны архетипами. Потеря личностью некоторых важных архетипов означает ее дисбаланс, неопределенность и потерю себя, может привести к психическим расстройствам. Господство в психике таких архетипов как сатана (дьявол) может привести к деструктивному агрессивному поведению.

В целом человеку несложно воспринять архетипические, в том числе мифологические, образы и соответствующую символику своей культуры, во-первых, по той причине, что они обычно окружают его с детства, усваиваются постепенно и стихийно. Во-вторых, поскольку они архетипичны, т.е. отвечают наиболее важным потребностям личности, ее природе (биологической и психологической), она внутренне готова к их аккумуляции. Эта предуготовленность к вос-

приятию религиозных и любых других архетипических образов является одним из важнейших условий социализации человека и скорее всего она имеет биологическую природу. Я хочу сказать, что не сами такие образы передаются с помощью биологических механизмов, а именно предуготовленность. Реализация последней является частью социализации личности. Человек не рождается личностью, он ею становится, и гарантиями того, что он ею станет, выступают его внутренняя предуготовленность к этому, определяемая наличием человеческого мозга.

Человек рождается с определенными ожиданиями или потребностями; как и у животных, первая потребность заключается в защите, попечении и кормлении. Так рождается первый архетипический образ – великой матери, затем, по мере формирования новых потребностей и интересов, появляются остальные. Названные ожидания (или потребности) можно назвать формами, которые наполняются содержаниями, но только строго определенными, именно такими, а не какими-либо иными. Эти ожидания (потребности, формы) я и называю архетипами.

Человек может ощущать свое бытие как реальное и цельное, хотя и отличающееся от остального мира, но все-таки являющееся его частью также и потому, что у него с этим миром общие архетипы. Он внутренне согласован и субстанциален тоже по этой причине. Этим обеспечивается положение базисной онтологической безопасности, и тогда обычные условия жизни не представляют опасности собственной экзистенции личности. Ее дезадаптация может начинаться из-за того, что она не приобретает или утрачивает общие архетипы со своей средой.

Архетипическая психология все-таки еще мало внимания уделяет тому, об образе кого или чего идет речь, хотя это не само собой разумеется. Между тем речь может идти не только об образе персонажа (бога, демона, трикстера, великой матери, мудрого вождя и т.д.), но также и об образе действия и образе жизни. Они заметно отличаются друг от друга, второй – архетипический образ действия и образ жизни – тоже следует считать архетипическими образами. Образы действия и образы жизни чаще всего включают в себя (но не всегда) архетипических персонажей или подразумевают их присутствие, причем иногда персонажи эти могут быть размыты и стерты. Они способны выступать как некие бледные символы, спутники или носители соответствующих образов.

Архетипический образ – это образ вообра-

жения, данный в представлении. Он не имеет строгих аналогов в реальной действительности, но, вне всякого сомнения, включает в себя ее отдельные, наиболее важные для определенных целей и смыслов элементы. Благодаря фантазии они всегда переработаны, гипертрофированы, иногда достаточно грубо и в немыслимых сочетаниях, помогая разрешить проблемы (или создавая лишь видимость разрешения), которые не под силу людям, но которые они как раз и хотели бы решать. Архетипический образ действия конструируется как универсальный и наиболее эффективный для достижения цели, а образ жизни – как идеальный и самый полезный, чаще всего отвечающий самым сокровенным желаниям.

Мышление особенно насыщено архетипическими образами в кризисные периоды жизни человека, социальной группы или общества в целом. Проявляется это, в частности, в том, что люди начинают неимоверно тяготеть ко всему необъяснимому, сверхъестественному, паралогическому, мистическому, что определяет их интересы, эмоции, стиль и образ жизни. Большую популярность приобретают колдуны, ясновидящие, астрологи, экстрасенсы, тоталитарные секты, активно оперирующие архетипическими категориями и понятиями, но не отдающие себе в этом отчета.

Такие явления могут объясняться следующими причинами:

1. В мистическом, опираясь на архетипы, люди ищут защиту от реальных или надуманных опасностей;

2. В мистическом они пытаются найти объяснение несчастьям, которые свалились на них.

Поэтому будут актуальны образы сатаны (т.е. коварного врага), героя, мессии или мудрого старца, которые не только им все объяснят, но еще укажут верный путь выхода из кризиса. Во многих случаях герой, мессия и мудрый старец объединяются в одно реальное лицо, которым обычно становится тоталитарный вождь типа Ленина или Гитлера. В религиозных конфликтах умами и эмоциями овладевают боги и святые, а в войнах – еще и великая мать.

Архетипы способны обретать величайшую силу и власть, «управлять» помыслами и потребностями многих миллионов людей. Это, например, вечно-зеленый и никогда не увядающий миф о посмертном небесном рае, который в разных формах тысячелетиями царил в сакрализованных обществах, даруя утешение и надежду, снижая тревожность и страх смерти. По мере

десакрализации возобладал марксистский миф о земном рае, убедительно продемонстрировав, что человек не может обойтись без этого архетипа. Здесь обращает на себя внимание то, что, во-первых, он объявляет лютую войну религиозному раю и вообще всей религии, и, во-вторых, получает признание в странах, отличающихся сравнительно низким уровнем экономического, политического (государственного) и общественного развития, в первую очередь я имею в виду Россию и Китай. Этот коммунистический архетип (как и его предшественник и спутник, сакральный рай) немедленно приобретает мессию (спасителя, мудрого старца), в роли которого выступали пролетариат, Маркс, Ленин, Энгельс. Люди не достигли и, вероятно, никогда не достигнут такого уровня зрелости, чтобы обходиться без названных архетипов.

Человеку нужны не только общие смыслы и идеи, но и надежда, что когда-то, на земле или в небесах, все будет хорошо, станут царить достаток и справедливость, и он будет избавлен от тревоги и страха. Тем не менее, учение о коммунистическом рае в том виде, в каком оно сейчас еще существует, не вечно и не случайно оно появилось несравненно позже религиозного. В сопоставлении с последним первое обладает коренными недостатками – отрицанием возможности новой жизни после жизни, а это не позволяет снизить уровень страха смерти. Возможно, оно и появилось потому, что люди устали ждать наступления царства божьего на земле и поверили в коммунистическое.

Мысль о том, что между психопатологией и творчеством существует определенная связь, не нова (Ц. Ломброзо, О. Ранк, Д. Хиллман). Однако до сих пор остается вопросом, психопатология ли пробуждает в человеке наиболее архаические реакции на среду и собственные психические состояния, либо такие реакции вызывают психические патологии и расцениваются как один из признаков последних. Возможно, что патологии сами по себе не порождают таких реакций, а только создают условия, чтобы они могли вырваться из глубины психики, точнее – бессознательного, например, путем ослабления воли и резкого снижения способности контролировать свое поведение. Для архетипической психологии названные взаимосвязи важны в первую очередь потому, что в архетипических реакциях оживают архетипические образы – людей, потусторонних персонажей, действий. В ряде таких случаев человек как бы освобождается от оков цивилизации, начинает отрицать ее, возвращает первобыт-

ный опыт, казалось бы давно вытесненный. Это мы можем наглядно видеть на примере таких древнейших форм поведения, как людоедство и инцест.

Очень важно понимать, каким образом, по каким механизмам этот древнейший опыт сохраняется в коллективном бессознательном и передается конкретной личности, хотя несомненно, что последнее происходит социально-психологическим путем. Бессознательное возвращение в далекое прошлое позволяет человеку преодолеть травмирующий его хаос настоящего, вызванного, например, тяжкими проблемами адаптации, особенно в межличностных отношениях, или крушением надежд. Прошлое же в этом случае предощущается знакомым, а поэтому возвращение туда может восприниматься как восстановление и укрепление себя. Вообще, встреча человека во внешнем мире с архетипом (независимо от того, обусловлена ли она психопатологией или нет) иногда ощущается как контакт с известным, с тем, что уже было, особенно если одновременно встречаются архетипические образы и людей, и действий. Это ощущение обусловлено тем, что соответствующие образы уже интериоризированы личностью, и они, в сущности, сталкиваются вонне со своими двойниками.

Образ является основой архетипической психологии. Юнг отождествлял образ с психическим, а юнгианцы, в частности Д. Хиллман, исходят из того, что образы составляют содержание души. Научность понятия души вызывает большие сомнения, скорее всего здесь имеется в виду человеческая психика. Однако независимо от того, идет ли речь о душе или психике, говорить о том, что они состоят только из образов, нет никаких оснований. Вместе с тем, архетипические образы создаются психикой (и социальной психологией) и познаются ею.

Архетипический образ соотносится не с самим собой, а с той реальностью, которую он отображает (отражает), обозначая, раскрывая ее наиболее важные черты, ее специфику. Следовательно, в нем всегда есть содержание, которое надо обнаружить, понять, типологизировать и оценить. Любой образ, не только архетипический, преломляется сквозь призму воображения, но всегда ли он воспринимается посредством воображения? Думается, что ответ на этот вопрос в немалой степени зависит от того, считать ли воображение всеобщим свойством сознания (согласно И. Канту) или признавать, что воображение может функционировать также и на бессознательной основе. По-видимому, с этим свя-

зано то, что образ, всегда чувственный по форме, по своему содержанию может быть как чувственным, так и рациональным. Во многих случаях образ ощущается как некий штамп, например, образ матери—Родины или врага. Воспринимая такой образ, человек ничего нового не строит, он даже не предпринимает никаких усилий, хотя и использует свой практический, эмоциональный, смысловой и интеллектуальный опыт. Он учится самой жизнью безусловно и безоговорочно, автоматически и инстинктивно воспринимать данный образ именно в таком качестве. Боксер, выходящий на ринг, воспринимает своего соперника как врага (спортивного, разумеется), ему не следует разъяснять это.

Здесь мало рационального, все субъективное отношение к образу строится на бессознательной основе, а когда его восприятие должно вызвать определенное поведение, это отношение оживает быстротечно, а сам образ вытесняется поведением. Он как бы теряется, скрывается за ним, но отнюдь не исчезает. Поэтому человек часто не понимает, почему он совершил то или иное действие, каковы его действительные мотивы. Это верно в связи не только с архетипическим образом, но и любым другим.

При всем том, что архетипические образы универсальны, отдельный человек встречается не со всеми ними и соответственно не усваивает все, а только некоторые. Для каждого предопределено, какие образы он усвоит. Это предопределение зависит от того, какой жизненный путь пройдет данная личность, от ее этнической, религиозной, социальной, профессиональной и иной принадлежности, от того, каковы ее ценностные ориентации и ведущие цели. Но, конечно, названные образы отнюдь не что-то внешнее по отношению к ней, напротив, они закреплены в ее психике в процессе жизни и воспитания. Поэтому во многих случаях лучше вести речь не о столкновении с образами, а об их актуализации в психике. Однако вполне возможна встреча человека с до сего времени чуждыми и непонятными для него образами, например, вождя или врага. Всегда важно различать образы, внедренные в психику, усвоенные ею, и те, которые существуют вне человека, более того, могут активно отвергаться им. Они функционируют в общественной психологии.

Формирование архетипического образа начинается с раннего детства, практически со дня рождения, и чаще всего первый образ — это образ матери. Затем происходит постепенное усвоение других образов, они не передаются гене-

тическим (биологическим) путем, но природа человеческой психики такова, что она сама по себе есть предпосылка их усвоения и закрепления. Одни из них человек усваивает, принимает, солидаризируется с ними, другие же может отрицать как ненужные и даже вредные, но и те, и другие входят в сферу его знания или ощущения. Те, которые закрепились в психике, могут вести автономное существование, независимое ни от субъективных свойств и состояний или специфики субъективного воображения, ни от внешних социальных и социально-психологических явлений и процессов. Иногда человеку бывает трудно отделить интериоризированный образ от того, который «обитает» в общественной психологии. Он «видит» их одновременно, и они сливаются в один, однако главное может заключаться не в том, что он «видит», а как он «видит», т.е. насколько в ощущении (предощущении, восприятии) образа значимы те или иные психологические компоненты, составляющие личностное своеобразие, а также внешние социальные обстоятельства.

Представление, актуализация в психике образа, даже самого себя, означает определенную деятельность для нее. Она может протекать и бессознательно, зародиться в бессознательном, перейти в сознание, а затем совершить обратный путь, находя свое выражение в сновидениях, фантазиях, поведении, художественном творчестве, а также в бреде и галлюцинациях. Архетипическая психология должна понять такую деятельность, проследить динамику образов, их изменения и изменения поведения под воздействием образа. Подобный анализ предоставит возможность дать ему не только психологическую, но и социальную оценку.

С психологических позиций архетипический образ не может быть хорошим или плохим, общественно полезным или антиобщественным. Такие оценки уместны лишь в определенном контексте, а именно социальном, когда, например, чрезмерный симбиоз с архетипом, его давление над личностью порождает деструктивное поведение. В качестве иллюстрации можно привести архетип врага. Попав к нему «в плен», параноийальный субъект способен, защищаясь от мнимых врагов, применить жестокое насилие для защиты. Таким был Сталин, которому претворенная в жизнь коммунистическая доктрина давала поистине безграничные возможности уничтожения всех, в ком он видел опасность для себя. Чрезмерную зависимость от архетипа великой матери можно наблюдать у отдельных людей и отдель-

ных народов, которые поэтому можно назвать инфантильными. Чтобы защитить ее и показать свою преданность, они готовы использовать самые агрессивные формы поведения, даже принести в жертву свой народ и самого себя. Чрезмерная идентификация с архетипическим образом трикстера может породить юродство, идентификация с ним в норме способствовать талантливому исполнению на театральной сцене ролей пройдох или шутов. Вообще театральные амплуа с поразительной точностью воспроизводят основные архетипические образы (герой (и герой-любовник), мудрый старец (благородный отец), злодей, шут, красавица и т.д.).

Необходимо отличать коллективный архетипический образ от индивидуального (индивидуально воспринятого и усвоенного), отдавая, естественно, отчет себе в том, что второй происходит от первого, он заимствован из коллективной сокровищницы таких образов в процессе общения с другими людьми. Суждения о том или ином образе имманентно как бы присущи ему самому, он несет в себе определенные критерии и черты, которые дают возможность судить о нем. В числе внешних суждений о нем могут быть такие: насколько он важен для духовной, интеллектуальной и нравственной жизни личности, насколько он отвечает её конкретным ожиданиям, или тем ожиданиям, которые адресованы ей социумом, насколько образ завладел ею и как сочетается, как связан с другими архетипическими образными формированиями, какое место занимает в жизни и судьбе этого человека и в круге его ценностных ориентаций, не пытается ли он бороться с его влиянием и т.д.

Тот, кто пожелал бы ответить на названные вопросы, всегда должен учитывать безграничную неоднозначность каждого архетипического образа и всё своеобразие его восприятия данным индивидом. Архетип не только безгранично не однозначен, но еще и безграничен как объект научного познания. Это означает, что он, сохраняющийся в человечестве тысячелетиями, неизменно отодвигает к горизонту самого себя – по мере все новых открытий. Его познание предполагает использование возможностей не только психологии и философии, но и искусства и литературы.

Архетип универсален, поскольку присущ разным культурам, без него они невозможны. Универсальность архетипов проявляется и в том, что в конкретных событиях, явлениях и людях можно выявить коллективные не преходящие образы. Поэтому можно утверждать, что и в индивидуальном опыте проявляется архетипич-

ность. Индивидуально воспринятые архетипические черты постоянно как бы перекликаются с коллективно воспринатыми архетипическими образами, закрепленными на социально-психологическом уровне. Архетипические образы наполняют собой как индивидуальную жизнь, проявляясь в поступках, мотивах, влечениях, синдромах и т.д., так и в общесоциальную, находя свое место в различных явных и скрытых движениях, общественных потребностях, событиях.

Универсальность архетипических образов не следует понимать так, что они совершенно одинаковы по всему миру, во все периоды человеческой истории и во всех культурах. Например, мифологические религиозные образы в разных религиях разные, достаточно сопоставить, например, христианство и буддизм. Буддизму не свойственна фигура мессии в том виде, в котором его признает христианство. У богов буддийской мифологии несколько иные статусы и даже отдельные функции, чем у богов в иудаизме, христианстве и исламе. Вот почему возникает вопрос, есть ли основания говорить об универсальности образов, являются ли они едиными для всех культур без исключения.

Действительно, представления о богах и других потусторонних персонажах в христианстве (а также в иудаизме и исламе) несколько иные, чем в буддизме. Между тем, Шакьямуни можно рассматривать и как спасителя, а богов – как собирательные образы творцов и повелителей вселенной и человека. «Шестьдесят тысяч лет Майтрея, лучший из людей, будет проповедовать истинную Драхму, милосердную ко всем живым существам. И когда он закалит в своей истинной Драхме сотни и сотни миллионов живых существ, тогда этот вождь войдет, наконец, в нирвану. И после того, как этот великий мудрец вступит в нирвану, его истинная Драхма простоит еще десять тысяч лет. Поэтому возвысь свои мысли, веруя Шакьямуни, Победителю! Ибо тогда ты узришь Майтрею, истинного Будду, лучшего из людей»¹. При всех даже существенных различиях между сакральными фигурами в религиях есть объединяющая их базовая идея, присущая всем божествам вообще. Архетипична и сама тематика религиозных мифологий: это мифы о бо-

гах и богинях, творении и происхождении, начале и конце, сотворении человека, смерти, судьбе души, загробной жизни и т.д. Универсальные схемы проявляются в религиозных и политических мифологиях, а у отдельных людей – в сновидениях, фантазиях, грезах, галлюцинациях, акцентуированных личностных чертах и, конечно, в поведении. Последнее может стать четким определителем архетипической диспозиции, а это дает основание отнести конкретного человека к тому или иному типу. Упомянутая диспозиция способна обладать неодолимой, принуждающей силой, идущей от коллективного бессознательного и интериоризированной отдельным субъектом.

Архетипический образ обладает внутренней силой и энергией прежде всего по причине того, что он указывает на ценности, которые содержатся в нем самом. Они позволяют структурировать бытие, выделяя в нем ведущие конструкции, являющиеся универсальными и вечными, обладающие огромными прогностическими генетическими возможностями. Последние выражаются и в том, что архетипы порождают новые ценности, например, эстетические. Знание архетипов, их природы и значения, закономерностей и механизмов движения, позволят лучше понять человека и общество; в то же время может возникнуть страх перед ними, в том числе и тогда, когда они выступают в мифологическом облике. Познание архетипов, создавая картину неизменяемого будущего, способно порождать глубокий пессимизм. В любом случае существование архетипа, предполагая некую сумму знаний о нем, всегда вызывает определенную реакцию.

Поскольку архетип максимально насыщен смыслом, что и определяет его непреходящую ценность, он может быть дан как откровение (например, в образе мессии), как результат творческих усилий (например, в искусстве) или постижения содержания сновидений и фантазий. Но чтобы овладеть соответствующими образами, от человека всегда требуется немало усилий и знания, при этом в своем восприятии их он неизменно будет субъективен. Иными словами, хотя архетипические образы даются индивиду средой, представление о них у него несет печать его личности.

¹ Элиаде М. Священные тексты народов мира. М., 1998. С. 392.